

Война- людское горе.

- Папке было 40 лет, когда его забрали в 1943 году на войну. В январе 1944 года мы получили похоронку о том, что он погиб на Украине. Можно сказать, на родине своих предков – казаков с Дона нашёл он упокоение, - рассказывала одна из четырёх дочерей Штурман Арсентия Герасимовича Нина Арсентьевна Тимофеева.

- Война – это людское горе! И не дай Бог, чтобы это повторилось! – дополнила Мария Арсентьевна Буреева, младшая дочь.

Старшая дочь Наталья Арсентьевна тихонько сидела и не вмешивалась в разговор. Всё быльём поросло и не хотела она память ворошить. О многом мы поговорили при встрече с этими женщинами, детьми-сиротами Второй мировой войны, Натальей, Ниной, Марией. Они теперь уже бабушки, у которых, как и надо полагать, проблемы со здоровьем. Крепкие духом, они достойно встречают старость, принимая всё как должное, печалюсь, если случается горе, радуясь тому, что жить сегодня можно.

Избушка, в которой они родились, находилась в д. Шонгино, которая уже в 50-е годы прошлого столетия вошла в состав с. Парабель. (Территория от стадиона до бывшего ПМК-5) Это было второе жилище семьи Штурман. Первое – добротный дом с постройками, амбаром, полями и сенокосными угодьями конфисковали в 1929 году у дедов, с которыми проживала молодая семья Штурман – Арсентий и Клавдия. У них уже было трое детей. Деда увезли в Колпашево и расстреляли. Все заботы о своей семье и матери взял на себя Арсентий. Он перевёз из-за Оби с заимки Машкино, с бывших

своих лугов избушку, в которой потом и прожила семья до 1958 года.

Чтобы спасти семью от голода и получить работу в колхозе, Арсентий подписал бумагу о том, что он отрекается от отца-кулака. Вот в эти-то страшные годы и похоронили они с женой четверых старших детей. Из восьми остались жить четверо. Только детство их стало сиротским. Война больно ударила по семье. Арсентий работал уже председателем колхоза, когда и ему вручили повестку. Это было осенью. Запрягли быка в телегу, сели всей семьёй и поехали на дальнюю пристань, откуда уходил последний пароход с новобранцами. Эти проводы отличались от тех, первых, громким воем, причитаниями женщин. Похоронки на братьев, мужей, отцов пришли уже не в одну семью. Многие провожали последних кормильцев. Дети прижимались, как воробушки, к материнским юбкам и тоже плакали. Пароход накренился в сторону берега, так как мужики спешили наглядеться на родных и тоже понимали, какая судьба уготована на войне.

Последний надрывающий души людей гудок. Лопасты парохода зашлёпали по стальной холодной глади воды, разрывая последнюю связывающую с родными краями нить. Женщины бежали по берегу вслед за пароходом до самого мыса. Они обессиленно опускались на холодный песок. Потом уныло брели к повозкам, чтобы вернуться в опустевшие жилища и... жить дальше. У многих были мал мала меньше. Жена Арсентия Клавдия тяжело заболела. Не могла работать. Её вычеркнули из колхозных списков. Она лежала дома, надсадно кашляя, и таяла на глазах. Девчонки Наталья, Лида, Нина и трёхлетняя Маша бродили по деревне, просили чего-нибудь поесть. А тут ещё нашёлся ирод – телёнок тёмной ночью из-под замка со двора увёл! Девчонки по вечерам

забивались на русской печи, грызли высушенные парёнки из морковки, репы, потихоньку шептались.

Мать через силу поднималась к сохранившимся иконам и молила Бога о помощи. Откуда пришли силы, то никому неизвестно. Но поднялась. Пошла работать сторожем на мельницу. Как-никак, но горстку шелухи с зерна порой приносила детям, чтобы вместе с крапивой, картошкой испечь подобие хлеба.

С коровёнки был только обрат – масло подлежало сдаче. Но и этому были рады. Не раз мать обнимала за шею бурёнку, прижималась к ней и шептала: «Держись, родимая! Без тебя мы пропадём совсем!».

И «родимая» держалась. Зимой по морозу с завернутым мешковиной выменем, с хомутом их тряпиц на шее вывозила из леса к избушке кряжи, напиленные хозяйкой с детьми двуручной пилой. Весной она попадала под плуг, а летом подвозила копны сена.

Картошка не родилась. Спасала ещё и рыба. Клавдия вместе с Натальей, Лидой и Ниной по большой воде садилась в неводник, давала девчонкам гребни, сама брала весло. Ехали на Сухушинское озеро ставить сети. Там же пилили посуху тальник на дрова.

Одежонка, по меткому выражению Нины, хозяйина уже не имела. Там были только квартиранты – заплатка на заплатке! С ранней весны и до поздней осени бегали босиком. Так и телят, свиней колхозных пасли. За коровами на ливе с кочки на кочку по осоке прыгали. Цыпки и порезы не сходили всё лето.

Весточки от отца ждали с нетерпением. Была только одна. Арсентий писал, что у него всё хорошо. Просил Клавдию сбересть детей. И обещал вернуться. Клавдия верила его словам. В 1922 году они повенчались в церкви, чтобы

узаконить перед Богом свой брак. Помнила, сколько горя вместе пережили, когда остались без крыши над головой, без куска хлеба, как хоронили одну за другой дочерей. Молила Бога, чтобы уберёг её Арсентия от смерти. Но лютым январём 1944 года похоронка разбила все надежды. Год до Дня Победы прожили, как в тумане.

В тот майский полдень Клавдию отпустили с работы. Она вошла в избушку, постояла около чёрной тарелки, которая ведала об окончании войны и повалилась на кровать. Громкие рыдания с причетаниями запечатлелись в детских душах на всю жизнь. Мать выла, как раненый зверь, кусала подушку и металась головой по ней. Так беда оповестила девчонок о том, что они всё-таки сироты и никогда не увидят отца!

Послевоенные годы для них мало чем отличались от военных. Они всеми силами цеплялись за жизнь! Несмотря ни на что, росли, учились, помогали взрослым в летнюю страду. Свои обязанности по дому, хозяйству справляли исправно. Их ручонки знали и пилы, и топоры, и молотки, и литовки, и вилы, и лопаты! Только иногда то одна, то другая, забившись где-нибудь в уголок, горько плакала, потому что некому было облегчить их детство.

Летели годы. Вот уже и невестами стали девчонки.

Красавицы! Черноглазые, черноволосые, голосистые, с казацкой задоринкой в характере!

Новый дом, в котором до недавнего времени жила старшая Наташа, Наталья Арсентьевна, построили, когда вышла замуж Нина. Появились мужские руки!

Позднее она отделилась, оставив дом матери и старшей сестре. Маша, младшая, тоже создала семью и отошла своим хозяйством. Лидия уехала в Новосибирск, где и обосновалась. Теперь эти женщины на пенсии. Наталья Арсентьевна вспоминает комхоз, детсад, где работала. Нина Арсентьевна

32 года была бухгалтером в Парабельском сельсовете. Мария Арсентьевна как в 18 лет зашла в типографию районной газеты, так и осталась верна профессии наборщика до 1990 года. Все они – уважаемые люди, хорошие матери и бабушки. Несчастья, выпавшие на их долю, не обозлили этих женщин. С досадой они говорят только о тех, кто снова копошится вокруг России, пытаясь повергнуть многострадальный русский народ в новую пучину несчастий. И как их мать становятся перед образами божьих угодников, сохранившихся от дедов, и просят Господа уберечь от беды!

Н. Голощапова